

Научная статья

УДК 94(470.41)“193”:[37.014.52+37.035.6]

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.11

Антирелигиозное и интернациональное воспитание в татарских школах начала 1930-х годов: борьба за новое сознание в условиях традиционного общества

Ильнур Ильмирович Шайдуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, Shaidullin_ilnur1997@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4187-1086>

Аннотация. В статье дан анализ антирелигиозного и интернационального воспитания в татарских школах начала 1930-х годов как ключевого элемента советской образовательной политики, направленной на формирование социалистического сознания. В условиях Татарской АССР, где ислам играл значительную роль, реализация этих задач сталкивалась с серьезными трудностями: несмотря на ликвидацию религиозных учебных заведений и внедрение атеистических программ, религиозные традиции сохраняли влияние на школьников и их семьи. Антирелигиозное воспитание, включавшее пересмотр учебных программ и создание кружков, затруднялось недостатком квалифицированных педагогов и сопротивлением населения. В свою очередь, работа по интернациональному воспитанию осложнялась сохраняющимися культурными барьерами и предубеждениями среди различных этнических групп. Исследование показало, что, несмотря на все усилия, полностью искоренить религиозные и национальные предрассудки не удалось, что подчеркивает сложность трансформации сознания в традиционном обществе. Опыт 1930-х годов остается актуальным для понимания проблем модернизации и культурных противоречий, демонстрируя важность системного подхода, сочетающего идеологические задачи с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: антирелигиозное воспитание, интернациональное воспитание, Татарская АССР, воинствующий атеизм, религиозные традиции, национальные предрассудки, идеологическая работа, межнациональное согласие.

Для цитирования: Шайдуллин И. И. Антирелигиозное и интернациональное воспитание в татарских школах начала 1930-х годов: борьба за новое сознание в условиях традиционного общества // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 2 (54). С. 233—248. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/54/11_54_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.11.

Original article

Anti-religious and international education in Tatar schools in the early 1930s: struggle for new consciousness in traditional society

Ilnur I. Shaidullin

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, Shaidullin_ilnur1997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4187-1086>

Abstract. The study analyzes anti-religious and international education in Tatar schools in the early 1930s as a key element of Soviet educational policy aimed at the formation of socialist consciousness. In the conditions of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, where Islam played a significant role, the implementation of these tasks faced serious difficulties: despite the liquidation of religious educational institutions and the introduction of atheistic programs, religious traditions retained their influence on schoolchildren and their families. Anti-religious education, which included the revision of curricula and the creation of clubs, was hampered by a lack of qualified teachers and the resistance of the population. In turn, the work on international education was complicated by

© Шайдуллин И. И., 2025

persistent cultural barriers and prejudices among various ethnic groups. The study shows that, despite efforts, it wasn't possible to completely eradicate religious and national prejudices, which highlights the difficulty of transforming consciousness in a traditional society. The experience of the 1930s remains relevant for understanding the problems of modernization and cultural contradictions, demonstrating the importance of a systematic approach combining ideological objectives with regional specifics.

Keywords: anti-religious education, international education, the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic, militant atheism, religious traditions, national prejudices, ideological work, interethnic harmony.

For citation: Shaidullin I. I. Anti-religious and international education in Tatar schools in the early 1930s: struggle for new consciousness in traditional society. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 2 (54), pp. 233—248. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.54.11>.

Введение

Антирелигиозное и интернациональное воспитание являлось одной из ключевых задач советской системы образования в начале 1930-х годов, особенно в таких многонациональных регионах, как Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика (ТАССР). Ислам, игравший значительную роль в культурной и социальной жизни татарского населения, стал объектом особого внимания со стороны советских идеологических структур. Формирование нового поколения, свободного от религиозных и национальных предрассудков, рассматривалось как необходимое условие для строительства социалистического общества.

В контексте советской педагогики 1920—1930-х годов антирелигиозное и интернациональное воспитание были частью более широкой системы идеологического воздействия, направленной на формирование нового советского человека. В этот период выделялись такие направления, как атеистическое, безрелигиозное, антирелигиозное и коммунистическое воспитание. Если атеистическое воспитание было направлено на формирование научного мировоззрения, безрелигиозное — на исключение религии из общественной жизни, то антирелигиозное воспитание носило агрессивный характер, ставя своей целью искоренение религии как явления. Интернациональное воспитание, в свою очередь, было призвано преодолеть национальные предрассудки и сформировать у учащихся чувство единства народов СССР. Целью интернационального воспитания было создание единой советской идентичности, основанной на идеях равенства и братства народов. Коммунистическое воспитание, в свою очередь, включало все эти аспекты, но было направлено на формирование личности, преданной идеалам социализма и готовой к строительству нового общества. Эти подходы активно применялись в татарских школах, где традиционные религиозные и национальные устои оказывали значительное сопротивление новым идеологическим установкам.

Таким образом, взаимосвязь антирелигиозного и интернационального воспитания заключалась в их общей задаче — преодолении пережитков прошлого, к которым относились как религиозные верования, так и национальные предрассудки. Антирелигиозное воспитание боролось с религией как с одной из форм традиционного сознания, а интернациональное воспитание — с проявлениями национальной розни. Вместе они формировали основу для создания единого советского общества, свободного от религиозных и национальных противоречий.

Изучение антирелигиозного и интернационального воспитания в татарских школах начала 1930-х годов представляет особую важность для понимания механизмов идеологического воздействия советской власти на местные сообщества. Этот период характеризуется активным противостоянием между новой государственной политикой и традиционными представлениями о религии и национальной идентичности. Исследование данной темы позволяет выявить особенности адаптации общесоюзных программ к специфике национальных регионов, а также проанализировать эффективность мер, принимаемых

властью для формирования единого советского общества. Особую актуальность данная проблема приобретает в современных условиях, когда вопросы взаимодействия различных культур и религий остаются острыми и требуют комплексного подхода.

Проблема антирелигиозного и интернационального воспитания в татарских школах начала 1930-х годов активно изучается в контексте советской образовательной политики и ее влияния на традиционное общество. Историография темы включает работы, посвященные как идеологическим основам, так и практическим методам реализации этой политики. В статье Л. А. Мухамадеевой и А. Р. Файзуллина рассматривается борьба с религиозным мировоззрением, которая в 1920-е годы приобрела бескомпромиссный характер. Авторы подчеркивают, что, несмотря на временные уступки, власти взяли курс на искоренение любых проявлений религиозности [19].

Вопросы антирелигиозного воспитания в советской школе подробно освещены в работах Е. М. Лучшева [17] и М. А. Яшиной [30]. Е. М. Лучшев анализирует роль школы как ключевого звена системы антирелигиозного воспитания, а М. А. Яшина раскрывает механизмы дискредитации религии в глазах молодежи. Практические аспекты антирелигиозного воспитания раскрыты в статье А. А. Сальниковой и Д. М. Галиуллиной [22], где анализируется переход от безрелигиозного к активному антирелигиозному воспитанию, что позволяет понять, как менялись подходы к воспитанию в условиях Татарстана.

Ю. С. Гуров рассматривает эволюцию атеистического воспитания, анализируя, каким образом советская власть стремилась сформировать у молодежи убежденность в правильности атеистического мировоззрения. Работа раскрывает методы, которые использовались для борьбы с религиозными традициями, дает возможность проследить, как они менялись с течением времени [9].

Особое внимание уделялось ликвидации религиозного образования. В статье А. Р. Ахметовой [1] на основе архивных материалов показано влияние закрытия мектебе и медресе на культурные традиции татарского народа. Это исследование позволяет понять, как советская власть боролась с религиозными институтами и какие методы использовались для их замены светским образованием.

В историографии проблем интернационального воспитания важное место занимают исследования М. А. Терентия [26], В. Г. Пряниковой [21], И. А. Вербы [3], М. С. Джунусова [10] и З. Т. Гасанова [4]. В своих трудах эти авторы разработали и систематизировали теоретические основы интернационального воспитания, уделив особое внимание его ключевым аспектам: понятиям, задачам, принципам, условиям, методам и формам реализации. Кроме того, исследователи провели глубокий анализ и теоретическое обобщение практического опыта, накопленного педагогами, школами и внешкольными учреждениями в области интернационального воспитания. Теоретические вопросы рассматривались в различных контекстах, включая учебный процесс, внеклассную и внешкольную деятельность, а также трудовую и общественную практику.

Проблемы интернационального воспитания находят отражение и в исследованиях современных авторов, таких как А. В. Силин [23] и Д. А. Пинаева [20]. А. В. Силин выделяет две составляющие интернационального воспитания — общедемократическую и классовую, а Д. А. Пинаева рассматривает практики формирования советской идентичности через интернациональные связи.

М. В. Мартынова, О. В. Степанченко и Е. А. Цыганкова в своем исследовании детально проанализировали основные цели и задачи интернационального воспитания подростков в контексте советской образовательной политики [18]. Авторы акцентировали внимание на том, что данный процесс не сводился исключительно к формальному

соблюдению законов юных пионеров, а предполагал комплексный и систематический подход. Одним из ключевых аспектов этой работы являлось установление устойчивых связей между пионерскими организациями различных национальных республик, а также развитие дружественных отношений с детьми трудящихся зарубежных стран. Подобные инициативы были направлены на формирование у подрастающего поколения чувства интернациональной солидарности, преодоление национальных предрассудков и воспитание уважения к культурному многообразию народов.

Таким образом, историография темы включает исследования, которые раскрывают идеологические и практические аспекты антирелигиозного и интернационального воспитания. Однако многие вопросы требуют дальнейшего изучения, в том числе роль учителей, специфика регионального сопротивления изменениям, методы адаптации советской политики к местным условиям. Это позволит более полно понять, как антирелигиозное и интернациональное воспитание влияло на трансформацию общественного сознания в многонациональных регионах, к числу которых относится Татарстан.

Основу работы составили документы из фондов Государственного архива Республики Татарстан (ГАРТ), среди которых особую ценность представляют материалы Всесоюзной конференции по антирелигиозному и совместному воспитанию, организованной Татарским институтом повышения квалификации педагогов в январе 1930 г. Эти материалы содержат методические рекомендации и отчеты о практике антирелигиозной работы, отражающие ключевые направления политики в области образования в период культурной революции.

Важное значение для исследования имеют ведомственные документы Народного комиссариата просвещения ТАССР, включая методические указания по учебным планам и программам, которые регламентировали содержание антирелигиозной пропаганды в школьном образовании. Отчеты о школьном строительстве за 1934/35 учебный год предоставляют статистические данные и аналитические материалы, позволяющие оценить эффективность реализации образовательной политики на практике. В совокупности эти источники позволяют проследить эволюцию системы атеистического воспитания, выявить ее специфику в национальном регионе и оценить эффективность применяемых методов идеологического воздействия на школьников.

Значительную часть источниковой базы составляют труды советских государственных деятелей, партийных работников, педагогов: В. И. Ленина [2; 15], И. В. Сталина [2; 24], А. В. Луначарского [16], Н. К. Крупской [12—14]. В них содержатся теоретические основы советской образовательной политики, включая принципы антирелигиозной пропаганды и интернационального воспитания. Особое внимание уделено трудам Н. К. Крупской, которая подробно разрабатывала методические подходы к формированию атеистического мировоззрения у школьников.

Исследование ограничено территорией ТАССР, где столкновение традиционных культурных норм с новой советской идеологией было особенно острым. Хронологические рамки исследования охватывают начало 1930-х годов — период активной антирелигиозной пропаганды и усиления интернационального воспитания в советских школах. Это время характеризуется масштабными изменениями в образовательной системе, включая закрытие мусульманских школ (мектебе и медресе) и их замену светскими учебными заведениями. Такие меры были направлены на искоренение религиозного влияния и формирование нового, социалистического сознания у школьников. Однако, несмотря на усилия властей, религиозные традиции продолжали сохраняться, что создавало дополнительные сложности для реализации образовательной политики.

Результаты исследования

В начале 1930-х годов советская власть активно стремилась укрепить свои идеологические позиции, формируя новое поколение, свободное от религиозных и национальных предрассудков. В ТАССР, где ислам играл значительную роль в культуре и в быте населения, эта задача была особенно сложной. Коммунистическое воспитание молодежи являлось неотъемлемой частью идеологической работы партии, поскольку, по ее мнению, именно оно определяло будущее развитие страны. Этот процесс предполагал обязательное преодоление религиозных взглядов и утверждение атеистического мировоззрения как основы для формирования нового, социалистического общества [9, с. 36].

Еще в 1920-х годах в республике развернулась активная борьба между советскими школами, создаваемыми новой властью, и традиционными мусульманскими школами, которые продолжали оставаться важным институтом образования и воспитания. Одним из ключевых шагов в борьбе с религиозным влиянием стало решение партии о ликвидации религиозных учебных заведений. В мае 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о закрытии мусульманских школ, а уже 30 мая 1928 г. Президиум ЦИК СССР поддержал ходатайства Татарской, Башкирской и других автономных республик, отменив предыдущие постановления, регулировавшие деятельность религиозных учебных заведений [1, с. 142]. Эти меры стали частью масштабной кампании по искоренению религиозного мировоззрения и утверждению атеистических ценностей.

Однако ликвидация религиозных школ была лишь первым шагом. Основное внимание было сосредоточено на перестройке системы образования, где антирелигиозное и интернациональное воспитание стало важнейшим элементом формирования нового, социалистического сознания. В татарских школах начали внедрять учебные программы, наполненные антирелигиозным содержанием, а также активно пропагандировать идеи интернационализма. В условиях многонационального состава населения ТАССР, где проживали татары, русские, чуваша, марийцы и другие народы, интернационализм становился важным элементом формирования единства советского общества [20, с. 1252]. Тем не менее реализация этих задач сталкивалась с серьезными трудностями, включая сопротивление со стороны семей, недостаток квалифицированных учителей-атеистов и приверженность населения религиозным традициям.

После закрытия мусульманских учебных заведений основное внимание было уделено наполнению учебных программ советских школ антирелигиозным содержанием. Такие предметы, как литература, география и естествознание, стали инструментами пропаганды атеизма. Целью этих изменений было не только дать детям научные знания, но и сформировать у них критическое отношение к религии, искоренить веру в Бога (Аллаха) и воспитать новое поколение «безбожников». Об этом высказывалась Н. К. Крупская, деятель просвещения и соратница В. И. Ленина, подчеркивая, что огромную роль играет метод преподавания естествознания и обществознания. Она отмечала, что в изучении природных и общественных явлений важно не столько запоминание множества фактов, сколько исследование самих явлений, их взаимосвязей, последовательности, причин и следствий. По ее мнению, лишь через изучение явлений в их развитии, в динамике можно постичь их закономерности, а там, где есть такое понимание, места религии уже не остается [14, с. 111].

Антирелигиозная работа не ограничивалась только школой. Она должна была начинаться с ранних лет и вестись в тесной связи с семьей, так как именно в детском возрасте закладывается фундамент мировоззрения человека. В работе с семьями, где сохранялись религиозные традиции, особая роль отводилась учителям, которые должны были компенсировать влияние семьи и формировать у детей марксистское миропонимание.

Это подтверждается материалами Всесоюзной конференции по антирелигиозному и совместному воспитанию, организованной Татарским институтом повышения квалификации педагогов, которая состоялась в Казани 15—17 января 1930 г. В положении методики антирелигиозного воспитания в школе подчеркивалось, что основным элементом общественно-политического воспитания является выработка у детей марксистского миропонимания. В этом процессе антирелигиозное воспитание занимало центральное место. Наука рассматривалась как главный враг религии, а потому привитие научного взгляда на жизнь было невозможно без коренной ломки религиозных убеждений и изгнания религии из школ, быта и семьи [6, л. 6].

Несмотря на все усилия, полностью искоренить религиозные традиции за короткий срок оказалось невозможным. Нельзя забывать, что до прихода советской власти в ТАССР ислам играл огромную роль в жизни общества, и за десять лет борьбы с религией не удалось полностью устранить ее влияние в каждой семье. Даже в 1930 г. многие семьи продолжали соблюдать религиозные обряды, что создавало серьезные препятствия для успешного проведения антирелигиозной политики в школах.

Кроме того, на конференции обсуждались и другие проблемы, мешавшие эффективному внедрению атеизма в образовательный процесс. В материалах конференции подчеркивалось, что школа еще не смогла в полной мере внедрить антирелигиозное воспитание и наполнить учебную среду духом безверия и воинствующего атеизма. Причин этому множество: наличие верующих учащихся, значительный процент учителей, которые все еще не порвали с религией, а также нейтральная группа педагогов, считавших, что время и среда сами сделают свое дело, и достаточно лишь изгнать религию из школы и внедрить программу ГУСа. К этим трудностям добавлялось отсутствие антирелигиозной детской литературы в школьных хрестоматиях, недостаток методических указаний и тот факт, что среди учителей 20—30% имели духовное происхождение [6, л. 6].

Для преодоления этих трудностей требовались не только общие меры, но и конкретные методические подходы, которые могли бы помочь в работе с религиозными учащимися. Именно такие вопросы активно обсуждались на Всесоюзной методической конференции по вопросу совместного и антирелигиозного воспитания в школах национальных меньшинств.

Участники конференции подчеркивали, что в случае появления в школе одного или нескольких верующих учеников необходимо сначала выяснить, является ли их религиозность результатом влияния семьи или следствием слабой организации школьного коллектива, так как подходы в каждом из этих случаев должны быть разными. Если причиной религиозности было влияние семьи, предлагалось провести ее обследование, выявить причины религиозных убеждений и наметить конкретные пути борьбы с ними. Для этого рекомендовалось создавать антирелигиозный актив из числа родителей, комсомольцев, пионеров и наиболее восприимчивых к атеизму учащихся. Постепенно расширяя круг актива, следовало вовлекать их в план работы с верующей группой. Особое внимание уделялось педагогической ценности антирелигиозных выступлений самих учащихся, поскольку такие выступления могли быть более эффективными, чем десятки лекций и бесед учителей [6, л. 10]. Эти меры должны были не только ослабить влияние религии, но и сформировать у школьников марксистское мировоззрение.

Из приведенных данных следует, что, несмотря на сохранение религиозных настроений в школах Татарской АССР в 1930-х годах, советская власть вела с ними активную борьбу. Одним из инструментов этой борьбы стало создание атеистических активов, в которые входили родители, пионеры и учащиеся, уже придерживающиеся атеистических взглядов. Активисты действовали в тесной связи с Союзом воинствующих безбожни-

ков Татарии, который был создан в феврале 1927 г. как «Союз безбожников Татарии», а в 1929 г. переименован в «Союз воинствующих безбожников Татарии» [25]. Основной задачей организации была атеистическая пропаганда среди мусульманского населения, а также борьба с религиозными традициями и верованиями, которые рассматривались как пережитки прошлого. Союз координировал деятельность антирелигиозных кружков, групп юных безбожников, направленную на формирование атеистического мировоззрения молодежи и взрослых.

Группы юных безбожников представляли собой детские и подростковые объединения, созданные в рамках антирелигиозной кампании советской власти. Они состояли преимущественно из школьников, пионеров и комсомольцев, которые уже придерживались атеистических взглядов или были вовлечены в идеологическую работу. Формально работа этих групп была частью школьной и внешкольной деятельности, но в основном носила пропагандистский и идеологический характер. Деятельность групп юных безбожников включала организацию антирелигиозных кружков, проведение лекций и кампаний, направленных на дискредитацию религии.

Антирелигиозные кружки работали под их руководством и включали как теоретические занятия, так и практические мероприятия. Естественным продолжением кружковой работы были экскурсии в отделы здравоохранения, музеи, публикация отчетов и впечатлений учащихся в стенгазетах. В школах предлагалось организовывать уголок безбожника с антирелигиозными плакатами и лозунгами [6, л. 14]. Кроме того, особое значение в рамках антирелигиозной кампании придавалось использованию атеистической литературы. Предполагалось, что школьники, знакомясь с художественными произведениями, газетами и журналами атеистического содержания, будут неосознанно транслировать идеи атеизма в своих семьях, тем самым способствуя распространению антирелигиозных взглядов среди родителей. Данный методический прием рассматривался как эффективный инструмент идеологического воздействия и активно рекомендовался для внедрения в школьную практику [6, л. 10].

Для повышения эффективности антирелигиозной работы в сельской местности предлагалось вести пропаганду не только среди детей, но и среди родителей, особенно женщин, а также других слоев местного населения. С этой целью рекомендовалось создавать «кружки безбожников». Однако, чтобы не вызывать сопротивления, их можно было назвать более нейтрально — например, «биологический кружок», «сельский кружок» или «общественный кружок» [6, л. 10]. В деревнях с сильными комсомольскими ячейками антирелигиозную работу можно было развернуть не только среди учащихся и молодежи, но и среди взрослого населения. Однако в тех деревнях, где школы были открыты недавно, а население оставалось религиозным и консервативным, следовало действовать осторожно — сосредоточиться на работе с детским активом, постепенно расширяя круг участников и вовлекая молодежь, женщин и деревенский актив. В младших классах антирелигиозная работа должна была строиться на основе художественной литературы с антирелигиозным содержанием и материалах естествознания, а начиная с третьего класса — на общественно-политическом материале [6, л. 11]. Особое внимание уделялось детской литературе, так как именно через нее у детей формировалось мировоззрение, свободное от религиозных предрассудков.

С 1932 г. на страницах общесоюзного журнала «Юные безбожники» стали публиковаться рассказы, в которых описывались ужасы обучения детей-мусульман в религиозных школах. В произведении Н. Медведковой «Царская грамота» автор отмечает, что до революции у татар существовали медресе, однако эти школы имели исключительно религиозный характер. Дети проводили в них по 10—12 часов в день, заучивая наизусть

Коран на древнеарабском языке в неблагоприятных условиях, при этом не получая никаких других знаний. В рассказе Люцика «Ураза и дети» описываются страдания детей, вынужденных соблюдать пост во время уразы. Е. Беляев в своем произведении раскрывает антисоветскую сущность религиозного праздника Курбан-Байрам. А в рассказе Михаила Гая «Мы хотим учиться, а не молиться» повествуется о жизни татарских школьников из деревни Сарай-Чикурта Арского района ТАССР, которые стремились к знаниям, а не к религиозным обрядам [22, с. 130—131]. Эти публикации были призваны показать, что религиозное образование ограничивает развитие детей, а советская школа, напротив, открывает перед ними новые возможности для обучения и роста.

В пионерской газете «Яшь ленинчы» («Юный ленинец») публиковались материалы, разъясняющие вред религиозного поста уразы с научной точки зрения. В одном из материалов подчеркивалось: «Наука открыто говорит о вреде уразы для здоровья. Поэтому каждый пионер и школьник, воспитывающийся как строитель будущего, должен держаться подальше от религиозного яда. Если вы хотите быть здоровыми — остерегайтесь соблюдения уразы» [28]. Однако, несмотря на активную пропаганду, как показывала статья «Динче пионерлар» («Религиозные пионеры») в журнале «Октябрь баласы» («Дитя Октября»), в некоторых районах, включая Куйбышевский район ТАССР, отдельные пионеры продолжали строго соблюдать мусульманские обряды. Автор с тревогой отмечал, что некоторые пионеры не приступают к еде без произнесения «Бисмиллях» и совершают пятикратный намаз [11]. Эти факты преподносились как свидетельство серьезных упущений в идеологической работе на местах. Подобное поведение юных пионеров расценивалось как недопустимое противоречие между их формальной принадлежностью к коммунистической организации и фактической приверженностью религиозным пережиткам. Статья служила сигналом для партийных и комсомольских органов о необходимости усиления атеистического воспитания.

Антирелигиозная работа в школах не должна была ограничиваться только уроками. Вся краеведческая и внеклассная деятельность школы должна быть пронизана антирелигиозным духом. При этом из-за неустойчивой ситуации в обществе проведение специальных уроков антирелигиозной пропаганды запрещалось. Как отмечалось на методической конференции, следовало избегать организации отдельных уроков, лекций или докладов на антирелигиозные темы для детей. Однако если ученики сами задавали вопросы о существовании Бога или по другим религиозным аспектам, учителя должны были давать четкие и понятные разъяснения, не уклоняясь от ответов [6, л. 11].

Кроме того, в рекомендациях для учителей подчеркивалось, что главная задача — отвлечь детей от участия в религиозных обрядах и церемониях. Для этого предлагалось организовывать дальние экскурсии с ночевкой, клубные дни и различные кружки [6, л. 12].

Несмотря на проводимую работу, ограничивать антирелигиозную деятельность только учебными часами было нельзя. Статистические данные Всесоюзной конференции по антирелигиозному и совместному воспитанию наглядно демонстрируют как достижения, так и сохраняющиеся проблемы в области антирелигиозного воспитания. Анализ анкет татарских школьников из городских школ выявил парадоксальную ситуацию: при впечатляющих темпах формальной секуляризации (количество религиозных школ сократилось с 750 в 1926 г. до полной ликвидации к 1930 г.) реальная религиозность населения, особенно среди женщин и подростков, сохранялась на значительном уровне. Статистика товарища Коноплева показывает существенную разницу в религиозных практиках между пионерами и непионерами. Если среди последних верующими себя считали 63,4%, то среди пионеров этот показатель составлял 38,2%. Аналогичная динамика прослеживалась и в повседневных религиозных практиках: 89,2% непионеров регулярно молились

дома против 59,2% пионеров; 94,2% непионеров отмечали религиозные праздники по сравнению с 88,9% пионеров [6, л. 20]. Эти данные свидетельствуют о том, что пионерская организация оказывала определенное влияние на снижение религиозности, однако ее эффект нельзя было назвать абсолютным.

Особую тревогу у советских идеологов вызывал гендерный аспект проблемы. Среди родителей верующими являлись 49%, но распределение было крайне неравномерным: 80% матерей против 20% отцов. При этом 10% женщин продолжали регулярно посещать мечети и строго соблюдать все обряды. Это создавало своеобразный эффект бумеранга: несмотря на формальные успехи (в Казани к 1930-м годам 85% молодежи идентифицировали себя как атеисты), религиозная среда, особенно в лице матерей, продолжала оказывать сильное влияние на подрастающее поколение.

Наиболее сложная ситуация складывалась с девочками-подростками, среди которых уровень религиозности достигал 60% (против 40% у мальчиков) [6, л. 21—22].

Как показала практика, традиционные школьные методы антирелигиозной пропаганды оказывались недостаточно эффективными — их влияние часто нивелировалось семейным окружением. В этой связи было предложено сделать акцент на развитии альтернативных форм досуга (кружки, клубы, секции), которые могли бы составить конкуренцию религиозным практикам в плане эмоциональной привлекательности и социальной значимости для подростков [6, л. 14].

Школа в советское время была не только образовательным учреждением, но и инструментом управления, который должен был контролировать настроения в обществе, используя для этого учащихся. Она активно вмешивалась в семейные отношения, особенно в тех случаях, когда родители воспитывали детей не в соответствии с советскими нормами. Например, если родители заставляли детей поститься, запрещали вступать в пионеры или комсомол, угрожая изгнанием из дома, школа должна была принимать решительные меры. Совместно с партийными и советскими организациями предлагалось устраивать показательные суды над такими родителями, а над пострадавшими детьми устанавливать шефство со стороны школы и комсомольской ячейки [6, л. 13]. Это означало, что родителей, не соответствующих советским идеологическим стандартам, могли наказывать, а детей — забрать под контроль государства. Таким образом, школа становилась инструментом формирования преданных строителей коммунизма, полностью подчиненных идеологическим установкам партии.

Для успешной реализации антирелигиозной политики в школах необходимо было уделить особое внимание подготовке учителей. Определение отношения учительства к антирелигиозной работе являлось одной из актуальнейших задач. Среди педагогов имелся небольшой процент активных верующих, связанных с религиозными общинами, а более 30% учителей происходили из духовного сословия. В таких условиях требовалась активная работа с учительским составом в антирелигиозном направлении. Для этого предлагалось опираться на наиболее прогрессивную часть учительства, снабжать таких учителей антирелигиозной литературой и развернуть систематическую подготовку в области атеизма.

Многие колебания среди учителей объяснялись их слабой подготовленностью и недостатком антирелигиозных знаний. С целью устранения этих проблем в программы летних учительских курсов включался антирелигиозный цикл, а по линии заочного обучения педагогам предоставлялся популярный материал. Кроме того, рекомендовалось выписывать антирелигиозную литературу в библиотеки волостных школ, организовывать консультации при волостных школах для районного учительства и создавать учительский актив из числа антирелигиозников для проведения докладов. Особое внима-

ние уделялось усилению антирелигиозной работы в педагогических техникумах и вузах, чтобы будущие учителя с самого начала профессиональной деятельности были готовы к борьбе с религиозными пережитками [6, л. 14].

Несмотря на эти меры, антирелигиозное воспитание в большинстве школ велось эпизодически, кампанейским порядком и, как правило, на низком уровне. Некоторые учителя даже утверждали, что школа должна ограничиваться безрелигиозным воспитанием, избегая активной борьбы с религией. В методических указаниях Наркомпроса ТАССР по учебным планам и программам за 1930—1931 гг. отмечались отвратительные случаи, когда учителя объединялись с кулацко-зажиточной частью деревни, закрывали школы и участвовали в проведении религиозных праздников. Антирелигиозные кружки в школах практически отсутствовали, а антирелигиозная работа на селе проводилась крайне редко. В деревнях учащиеся многих школ продолжали посещать церкви, соблюдать посты и другие религиозные практики. Эти явления не только подрывали авторитет школы как базы коммунистического воспитания, но и наносили серьезный ущерб учебному процессу (прогулы, сокращение учебного года и др.) [7, л. 82].

Общее положение антирелигиозного воспитания в 1930—1931 гг. подтверждают конкретные факты. Например, в д. Татарская Тахтала Спасского района учителя сами соблюдали религиозные обряды, а пионеры подвергались преследованиям со стороны неорганизованных школьников, которые срывали с них галстуки. В ряде школ Актанышского района дети во время уразы отказывались от горячих завтраков и посещали мечеть. В одной из школ Муслумовского района в религиозный праздник учащиеся организовали субботник по расчистке дороги к мечети. В Сунчелаевской школе Нурлатского района и Лягушкинской школе Билярского района посещаемость во время уразы упала до 60% [7, л. 82]. Эти примеры наглядно демонстрируют, что религиозные традиции продолжали оказывать сильное влияние на школьную жизнь, несмотря на усилия по внедрению антирелигиозной политики.

Даже к 1933/34 учебному году религия продолжала играть значительную роль в жизни деревенских сообществ. В качестве примера можно привести д. Кукуеево Рыбно-Слободского района, где примерно 90% детей школьного возраста соблюдали уразу, а в самой деревне действовали две мечети. Подобная картина наблюдалась и в других населенных пунктах: в деревнях Айдарово, Юлейбино и Ямишево того же района более 95% школьников активно участвовали в религиозных обрядах.

В январе 1934 г., во время празднования уразы-байрама, в д. Верхнее Старли Азнакаевского района отмечено снижение посещаемости школы на 20%. В д. Айшиаз Атнинского района дети регулярно посещали мечеть в дни пятничных молитв и религиозных праздников, игнорируя учебный процесс [8, л. 51—52 об.]. Эти примеры подтверждают, что, несмотря на усилия партии и руководства системы образования, религиозные традиции сохраняли прочные позиции в сельской местности, а антирелигиозная политика сталкивалась с серьезным сопротивлением со стороны населения.

Таким образом, несмотря на то что официальные документы подчеркивали важность усиления воинствующего атеизма в рамках школьной программы, реальная ситуация свидетельствовала о недостаточной эффективности «безрелигиозного воспитания». Для повышения результативности атеистической работы предлагались следующие меры: тщательно изучать семейную обстановку и степень влияния религиозности на детей; проводить систематическую антирелигиозную работу с родителями; адаптировать учебные материалы, делая их понятными и доступными для детей, насыщая их атеистическим содержанием; организовать постоянный антирелигиозный раздел в школьной стенгазете. Особо подчеркивалось, что антирелигиозное воспитание не должно сводиться к

формальным административным мерам, таким как запрет на ношение крестов или посещение молитвенных домов. Подобный подход, лишенный глубины и разъяснительной работы, не мог привести к желаемым результатам [8, л. 52 об.].

В 1937 г. Н. К. Крупская, обсуждая вопросы антирелигиозной пропаганды в начальных и средних школах, подчеркивала необходимость тесной связи этой работы со всей учебно-воспитательной деятельностью. Она утверждала, что антирелигиозная пропаганда должна быть неотъемлемой частью формирования материалистического мировоззрения и основ коммунистической морали. Крупская обращала внимание на то, что начальная школа охватывает детей в возрасте от 8 до 12 лет — период, когда они особенно увлечены чтением. Однако сказки, которые они читают, часто становятся почвой для некритического восприятия информации и веры в небылицы [12, с. 112]. Дети, воспитанные на таких сказках, склонны принимать религиозные верования без анализа.

Крупская видела опасность в мистических сказках, которые могли способствовать развитию у детей религиозных настроений. Она настаивала на необходимости развивать у школьников способность логически мыслить уже в начальной школе. Для этого она предлагала создать специальную хрестоматию, которая содержала бы материалы, опровергающие религиозные «легенды». Главной задачей антирелигиозного воспитания она считала формирование у детей убежденности в том, что религия — это обман [12, с. 113].

В отношении программ неполной средней и средней школ Н. К. Крупская акцентировала внимание на важности естествознания и истории. Она отмечала, что история является ключевым элементом антирелигиозной пропаганды, так как позволяет наглядно продемонстрировать роль религии как инструмента угнетения масс и раскрыть ее классовый характер [12, с. 114]. Однако, несмотря на теоретическую проработанность этих идей, их реализация в татарских школах начала 1930-х годов сталкивалась с серьезными трудностями.

Проблемы в школах не ограничивались только религиозными вопросами. Одновременно с развертыванием антирелигиозной воспитательной работы усиливалось внимание и к интернациональному воспитанию школьников. В условиях многонационального состава населения ТАССР, где проживали татары, русские, чуваш и другие народы, формирование интернационального сознания становилось важной задачей. Однако многие учителя заявляли о ненужности интернационального воспитания, мотивируя это тем, что в их школах не наблюдалось явных проявлений национальной вражды. Некоторые педагоги утверждали, что их школы мононациональные, в них учатся только русские или только татары. Тем не менее из методических указаний Наркомпроса ТАССР по учебным планам и программам за 1930—1931 гг. следует, что случаи проявления националистических настроений среди учащихся все же имели место. Зачастую это было связано с политической безграмотностью учителей, которые непреднамеренно способствовали развитию у школьников националистических взглядов [7, л. 82].

В результате в школах наблюдались серьезные проблемы в реализации принципов интернационального воспитания, что проявлялось в различных конфликтных ситуациях между учениками разных национальностей. Так, в д. Большое Шемякино Тетюшского района русские и чувашские ученики отказались брать к себе на квартиру татарского мальчика во время районной детской конференции. В Монастырской школе того же района татарского ученика посадили за отдельный стол и постоянно подвергали насмешкам. В Казаковской школе дети обвинили татарскую повариху в том, что суп получился невкусным, ссылаясь на ее национальность.

Особую тревогу вызывали действия некоторых педагогов, которые вместо укрепления интернациональной дружбы невольно провоцировали межнациональную напряжен-

ность. Например, учитель Тетюшской школы задал классу вопрос: «Скажите, ребята, какую национальность вы больше любите?», что привело к конфликтной ситуации среди учащихся. Кроме того, в Ошняковской школе Билярского района учитель, объясняя тему «Народы, населяющие Татарскую Республику, и их занятия», допустил ряд грубых ошибок. Он ошибочно включил евреев в число основных народностей Татарской АССР, хотя к таковым относились татары, русские, чуваша, марийцы, мордва и удмурты. Кроме того, учитель неточно описал традиционные занятия этих народов, что привело к искажению историко-этнографической картины региона [7, л. 81].

Эти примеры свидетельствуют о значительных трудностях в построении подлинно интернациональной школьной среды, где бы в полной мере реализовывались принципы равенства и взаимоуважения. Несмотря на декларируемую политику интернационального воспитания, в повседневной школьной практике сохранялись укоренившиеся стереотипы и предвзятое отношение к представителям других культур. Такие ситуации подчеркивали необходимость более тщательной подготовки учителей и разработки эффективных методик воспитания, способных преодолеть сохраняющиеся культурные барьеры и создать атмосферу подлинного взаимопонимания между учащимися разных национальностей.

В докладной записке от 25 апреля 1935 г., подготовленной по итогам исследования деятельности Дубьязского райкома ВЛКСМ в сфере политико-воспитательной работы, были выявлены серьезные пробелы в реализации интернационального воспитания. Анализ ситуации показал, что данная проблема оставалась практически нерешенной, несмотря на многообразие национального состава населения ТАССР и важность формирования единого советского общества. Одним из ключевых недостатков стала низкая заинтересованность руководства школ и пионерских организаций в развитии межнационального взаимодействия и укреплении духа интернационализма среди учеников.

Несмотря на то что ученики проявляли интерес к русскому языку и просили выписывать газеты и журналы на русском языке, администрация школ и пионервожатые игнорировали эти запросы, не считая их важными для образовательного процесса. Более того, отсутствовала связь между школами разных районов, которая могла бы способствовать обмену опытом и укреплению взаимопонимания между представителями различных национальностей [5, л. 93 об.]. Эта ситуация наглядно демонстрирует, что интернациональное воспитание находилось в зачаточном состоянии, а недостаток компетенции и инициативы со стороны учителей и вожатых лишь усугублял положение дел.

Вопросы интернационального воспитания активно обсуждались и на страницах пионерских периодических изданий. Одним из таких изданий был журнал «Октябрь баласы» («Дети Октября»), который играл важную роль в пропаганде идей интернационализма среди татарской молодежи. На его страницах поднимались актуальные проблемы, связанные с воспитанием подрастающего поколения в духе равенства и братства народов. Например, в статье под заголовком «Яхшы вожатыйлар кадры өчен көрәшкә!» («В борьбу за хороших вожатых!») автор критиковал некомпетентность и проявления национализма среди вожатых пионерских отрядов. Особое внимание уделялось тем руководителям, которые не справлялись со своими обязанностями и допускали разделение детей по национальному признаку, что прямо противоречило принципам интернационализма, заложенным в идеологии пионерского движения [29]. Подобные случаи свидетельствовали о том, что даже в организациях, призванных воспитывать молодежь в духе интернациональной солидарности, сохранялись глубокие проблемы, связанные с национальными предрассудками и недостаточной подготовкой кадров.

В ответ на выявленные проблемы в системе коммунистического воспитания 13 мая 1932 г. Татарский обком партии принял специальное постановление «О состоянии коммунистического воспитания в школах». В документе указывалось на необходимость срочного пересмотра программно-учебных материалов по всем дисциплинам с целью усиления их «коммунистического содержания». Обком ВКП(б) обязал Наркомпрос добиться того, чтобы коммунистическое воспитание пронизывало всю систему школьного и внешкольного образования [27, с. 113]. Это решение стало важным шагом на пути к устранению существующих проблем и формированию единого советского мировоззрения среди молодежи, адаптированного к многонациональной специфике ТАССР.

Заключение

Антирелигиозное и интернациональное воспитание в татарских школах начала 1930-х годов представляло собой сложный и противоречивый процесс, отражавший борьбу за формирование нового сознания в условиях традиционного общества. Официальная политика советского государства была направлена на искоренение религиозных представлений и укрепление интернациональных ценностей, однако на практике эти задачи сталкивались с глубоко укоренившимися культурными и религиозными традициями.

Как показывают примеры из школьной жизни, несмотря на усилия по внедрению атеистической пропаганды, религиозные практики продолжали играть значительную роль в жизни многих семей и детей. Это свидетельствовало о недостаточной эффективности формальных мер и необходимости более глубокого, системного подхода к антирелигиозному воспитанию. Н. К. Крупская подчеркивала важность интеграции антирелигиозной пропаганды в учебный процесс, развития критического мышления у детей и создания образовательных материалов, которые могли бы противостоять религиозным представлениям.

Одновременно реализация принципов интернационального воспитания встречала серьезные трудности, связанные с сохранявшимися предубеждениями и культурными барьерами между различными этническими группами. Подобные обстоятельства требовали переосмысления существующих методов формирования межкультурного взаимопонимания. Инциденты в школах, такие как отказ принимать учеников другой национальности или предвзятость в преподавании, указывали на недостаток компетенции педагогов и необходимость их подготовки в духе интернационализма.

Таким образом, антирелигиозное и интернациональное воспитание в татарских школах начала 1930-х годов было важным, но труднодостижимым элементом советской образовательной политики. Оно требовало не только административных мер, но и глубокой работы с сознанием как учащихся, так и педагогов, а также учета специфики традиционного общества. Этот опыт остается актуальным для понимания сложностей трансформации общественного сознания в условиях модернизации и культурных противоречий.

Список источников

1. Ахметова А. Р. Ликвидация религиозного образования в Татарстане в постреволюционной трансформации культурных традиций татарского народа (по материалам Национального архива РТ) // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 2. С. 140—143.
2. В. И. Ленин, И. В. Сталин о национальном вопросе. М. : Правда-Пресс, 2009. 159 с.
3. Верба И. А., Пиковский В. И. Воспитание патриотов-интернационалистов: (Из опыта внеклассной и внешкольной работы). М. : Педагогика, 1973. 111 с.
4. Гасанов З. Т. Социально-педагогические основы интернационального и патриотического воспитания учащихся. Махачкала : Дагучпедгиз, 1973. 145 с.
5. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. П-4034. Оп. 16. Д. 424.
6. ГАРТ. Ф. Р-1334. Оп. 1. Д. 10.

7. ГАРТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 1763.
8. ГАРТ. Ф. Р-3682. Оп. 1. Д. 2054.
9. Гуров Ю. С. От безразличия — к убежденности: Актуальные проблемы атеистического воспитания молодежи / науч. ред. А. Ф. Окулов. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1982. 112 с.
10. Джунусов М. С. Вопросы теории интернационального воспитания. Ташкент : Узбекистан, 1980. 280 с.
11. Динче пионерлар [Религиозные пионеры] // Октябрь баласы. 1931. № 1 (18), янв.
12. Крупская Н. К. Вопросы атеистического воспитания : сб. статей и выступлений / сост. и авт. вступ. статьи Л. С. Фрид и Э. М. Цимхес. 2-е изд., доп. М. : Просвещение, 1964. 215 с.
13. Крупская Н. К. Дети — наше будущее : [сб. статей и речей о дошкольном воспитании]. 3-е изд. М. : Просвещение, 1975. 302 с.
14. Крупская Н. К. Из атеистического наследия / сост. и авт. вступ. статьи Г. С. Цовьянов. М. : Наука, 1964. 307 с.
15. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12: Октябрь 1905 — апрель 1906. М. : Политиздат, 1968. XXIII, 575 с.
16. Луначарский А. В. О народном образовании: Статьи, речи за период 1917—1929 гг. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 559 с.
17. Лучшев Е. М. Антирелигиозное воспитание в советской школе в 1920—30-х годах // Труды Государственного музея истории религии. 2011. № 11. С. 118—138.
18. Мартынова М. В., Степанченко О. В., Цыганкова Е. А. История интернационального взаимодействия: опыт пионерской организации // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. Т. 11, № 2. С. 78—88. DOI: 10.22394/2225-8272-2022-11-2-78-88.
19. Мухамадеева Л. А., Файзуллин А. Р. Антирелигиозная политика в Татарстане (1920-е гг.) // Minbar. Islamic Studies. 2019. № 12 (2). С. 438—450. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-438-450.
20. Пинаева Д. А. Практики интернационального воспитания в контексте формирования советской идентичности в позднесоветский период (на материалах Татарской АССР) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2022. Т. 6, № 6. С. 1251—1262. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1251-1262.
21. Пряникова В. Г. Интернациональное воспитание в коллективе школьников: (На опыте работы КИДа) : кн. для учителя / под ред. З. И. Равкина. Душанбе : Маориф, 1989. 137 с.
22. Сальникова А. А., Галиуллина Д. М. От «безрелигиозного» к антирелигиозному воспитанию татарских школьников в 1920-е — начале 1930-х гг.: тактики и практики // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2020. № 57. С. 123—135. DOI: 10.15382/sturIV202057.123-135.
23. Силин А. В. Интернационализм и патриотизм в теории и практике советской педагогики (1917 — вторая половина 1930-х годов) // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 11-1 (30). С. 103—106.
24. Сталин И. В. Сочинения. Т. 5: 1921—1923. М. : Госполитиздат, 1947. 446 с.
25. Сулейманов Р. Р. Деятельность Союза воинствующих безбожников в Татарской АССР в 1920-е годы // Мусульманский мир. 2015. № 2. С. 16—52.
26. Терентий М. А. Теория и практика патриотического и интернационального воспитания подрастающего поколения / под ред. И. С. Марьенко. Кишинев : Штиинца, 1978. 276 с.
27. Тутаев М. З. Развитие народного образования в Татарии (1917—1940 гг.). Казань : Тат. кн. изд-во, 1975. 204 с.
28. Уразаның сәламәтлеккә зарарлы булуын фән ачык әйтә [Наука открыто говорит, что пост вреден для здоровья] // Яшь ленинчы. 1929. № 5 (40), 5 февр. С. 2.
29. Яхшы вожатыйлар кадры өчен көрәшкә! [В борьбу за хороших вожатых!] // Октябрь баласы. 1931. № 6 (23), июнь. С. 12—13.
30. Яшина М. А. Антирелигиозные образование и воспитание в СССР в 1920-е годы: уроки истории и современность // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. № 3. С. 201—208.

References

1. Akhmetova A. R. Likvidatsiya religioznogo obrazovaniya v Tatarstane v postrevolyutsionnoi transformatsii kul'turnykh traditsii tatarskogo naroda (po materialam Natsional'nogo arkhiva RT) [Elimination of religious education in Tatarstan in the post-revolutionary transformation of the cultural traditions of the Tatar

people (according to the national archives of the Republic of Tatarstan)]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2013, no. 2, pp. 140—143. (In Russian)

2. V. I. Lenin, I. V. Stalin o natsional'nom voprose [V. I. Lenin, I. V. Stalin on the national question]. Moscow, Pravda-Press Publ., 2009. 159 p. (In Russian)

3. Verba I. A., Pikovskii V. I. *Vospitanie patriotov-internatsionalistov: (Iz opyta vneklassnoi i vneshkol'noi raboty)* [Education of patriots-internationalists: (From the experience of extracurricular work)]. Moscow, Pedagogika Publ., 1973. 111 p. (In Russian)

4. Gasanov Z. T. *Sotsial'no-pedagogicheskie osnovy internatsional'nogo i patrioticheskogo vospitaniya uchashchikhsya* [Socio-pedagogical foundations of international and patriotic education of students]. Makhachkala, Daguchpedgiz Publ., 1973. 145 p. (In Russian)

5. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan [State Archives of the Republic of Tatarstan] (GART). F. P-4034. Op. 16. D. 424.

6. GART. F. R-1334. Op. 1. D. 10.

7. GART. F. R-3682. Op. 1. D. 1763.

8. GART. F. R-3682. Op. 1. D. 2054.

9. Gurov Yu. S. *Ot bezrazlichiya — k ubezhdennosti: Aktual'nye problemy ateisticheskogo vospitaniya molodezhi* [From indifference to conviction: Current issues of atheistic education of youth]. Cheboksary, Chuvash. kn. izd-vo Publ., 1982. 112 p. (In Russian)

10. Dzhunusov M. S. *Voprosy teorii internatsional'nogo vospitaniya* [Questions of the theory of international education]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1980. 280 p. (In Russian)

11. Dinche pionerlar (Religioznye pionery) [Religious pioneers]. *Oktyabr' balasy*, 1931, no. 1 (18), January, pp. 2. (In Russian)

12. Krupskaya N. K. *Voprosy ateisticheskogo vospitaniya: sb. statei i vystuplenii. 2-e izd., dop.* [Questions of atheistic education. Collect. of articles and speeches. 2nd ed., suppl.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. 215 p. (In Russian)

13. Krupskaya N. K. *Deti — nashe budushchee: (sb. statei i rechei o doshkol'nom vospitanii). 3-e izd.* [Children are our future. Collection of articles and speeches on preschool education. 3rd ed.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1975. 302 p. (In Russian)

14. Krupskaya N. K. *Iz ateisticheskogo naslediya* [From the atheistic heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 307 p. (In Russian)

15. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izd. T. 12: Oktyabr' 1905 — april' 1906* [Complete works. 5th ed. Vol. 12: October 1905 — April 1906]. Moscow, Politizdat Publ., 1968. XXIII, 575 p. (In Russian)

16. Lunacharskii A. V. *O narodnom obrazovanii: Stat'i, rechi za period 1917—1929 gg.* [On public education. Articles, speeches for the period 1917—1929]. Moscow, Akad. ped. nauk RSFSR Publ., 1958. 559 p. (In Russian)

17. Luchshev E. M. Antireligioznoe vospitanie v sovetskoi shkole v 1920—30-kh godakh [Anti-Religious Education in Soviet Schools in the 1920s-30s]. *Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii* [Works of the State Museum of the history of religion], 2011, no. 11, pp. 118—138. (In Russian)

18. Martynova M. V., Stepanchenko O. V., Tsygankova E. A. Istoriya internatsional'nogo vzaimodeistviya: opyt pionerskoi organizatsii [History of international interaction: experience of the pioneer organization]. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*, 2022, vol. 11, no. 2, pp. 78—88. DOI: 10.22394/2225-8272-2022-11-2-78-88. (In Russian)

19. Mukhamadeeva L. A., Faizullin A. R. Antireligioznaya politika v Tatarstane (1920-e gg.) [The anti-religious policy of the Tatarstan Government (1920s)]. *Minbar. Islamic Studies*, 2019, no. 12 (2), pp. 438—450. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-438-450. (In Russian)

20. Pinaeva D. A. Praktiki internatsional'nogo vospitaniya v kontekste formirovaniya sovetskoi identichnosti v pozdnesovetskii period (na materialakh Tatarskoi ASSR) [Practices of international education in the context of formation of soviet identity in the late soviet period (on the example of the Tatar ASSR)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya — Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 2022, vol. 6, no. 6, pp. 1251—1262. DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-6-1251-1262. (In Russian)

21. Pryanikova V. G. *Internatsional'noe vospitanie v kollektive shkol'nikov: (Na opyte raboty KIDA): kn. dlya uchitelya* [International education in a school group. (Based on the experience of KID). Teacher book]. Dushanbe, Maorif Publ., 1989. 137 p. (In Russian)

22. Sal'nikova A. A., Galiullina D. M. Ot “bezreligioznogo” k antireligioznomu vospitaniyu tatarskikh shkol'nikov v 1920-e — nachale 1930-kh gg.: taktiki i praktiki [From “non-religious” to anti-religious education of Tatar schoolchildren in the 1920s — early 1930s: tactics and practices]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 4: Pedagogika. Psikhologiya — St. Tikhon's University Review. Ser. 4: Pedagogy. Psychology*, 2020, no. 57, pp. 123—135. DOI: 10.15382/sturIV202057.123-135. (In Russian)

23. Silin A. V. Internatsionalizm i patriotizm v teorii i praktike sovetskoi pedagogiki (1917 — вторая половина 1930-х годов) [Internationalism and patriotism in theory and practice of soviet pedagogy (1917 — second half of 1930)]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2014, no. 11-1 (30), pp. 103—106. (In Russian)
24. Stalin I. V. *Sochineniya. T. 5: 1921—1923* [Works. Vol. 5. 1921—1923]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1947. 446 p. (In Russian)
25. Suleimanov R. R. *Deyatel'nost' Soyuzo voinstvuyushchikh bezbozhnikov v Tatarskoi ASSR v 1920-e gody* [Activities of the Union of militant atheists in the Tatar ASSR in the 1920s]. *Musul'manskii mir*, 2015, no. 2, pp. 16—52. (In Russian)
26. Terentii M. A. *Teoriya i praktika patrioticheskogo i internatsional'nogo vospitaniya podrastayushchego pokoleniya* [Theory and practice of patriotic and international education of the younger generation]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1978. 276 p. (In Russian)
27. Tutaev M. Z. *Razvitie narodnogo obrazovaniya v Tatarii (1917—1940 gg.)* [Development of public education in Tatarstan (1917—1940)]. Kazan, Tat. kn. izd-vo Publ., 1975. 204 p. (In Russian)
28. Urazanyñ salamätlekke zararly buluyn fän aчык әйтә (Nauka otkryto govorit, chto post vreden dlya zdorov'ya) [Science openly says fasting is harmful to health]. *Yash' leninchy*, 1929, no. 5 (40), Febr. 5, pp. 2. (In Tatar)
29. Yakhshy vozhatylar kadry өчен көрәшкә! (V bor'bu za khoroshikh vozhatykh!) [Fight for good camp leaders!]. *Oktyabr' balasy*, 1931, no. 6 (23), June, pp. 12—13. (In Tatar)
30. Yashina M. A. Antireligioznye obrazovanie i vospitanie v SSSR v 1920-e gody: uroki istorii i sovremennost' [Anti-Religious education and upbringing in the USSR in the 1920s: History lessons and modernity]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta — The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*, 2011, no. 3, pp. 201—208. (In Russian)

Информация об авторе

И. И. Шайдуллин — аспирант, старший преподаватель

Information about the author

I. I. Shaidullin — Postgraduate Student, Senior Lecturer

Статья поступила в редакцию 23.02.2025; одобрена после рецензирования 05.04.2025; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 23.02.2025; approved after reviewing 05.04.2025; accepted for publication 20.05.2025